

Уильям Теккерей

Жена Денниса Хаггарти

Перевод с английского
Э.Березиной

ФТМ

Уильям Теккерей
Жена Денниса Хаггарти

«ФТМ»

Теккерей У. М.

Жена Денниса Хаггарти / У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2825-1

Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1863) давно занял свое заслуженное место среди классиков мировой литературы, и сегодня уже никто не сомневается в силе его дарования и значении его наследия. Повесть в переводе Э.Березиной "Жена Денниса Хаггарти" - это рассказ о злоключениях Денниса Хаггарти, выбравшего себе в жены на первый взгляд благопристойную и бесхитростную женщину.

ISBN 978-5-4467-2825-1

© Теккерей У. М.

© ФТМ

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Уильям Мейкпис Теккерей

ЖЕНА ДЕННИСА ХАГГАРТИ

Несколько лет тому назад в «Королевской» гостинице в Лемингтоне часто останавливалась вместе с дочерью одна препротивная ирландка, майорша миссис Гам. Гам был примерным офицером на службе его величества, и только смерти и дражайшей супруге удалось его сокрушить. Облечившись в бамбазин – самый миленький, какой можно было сыскать за деньги, – безутешная вдова объехала своих знатных и не очень знатных друзей, оставляя в каждом доме громадные визитные карточки, которые обрамляла полоса, окрашенная черной краской из ламповой сажи, по меньшей мере в полдюйма шириной.

Кое-кто из нас, к стыду нашему, называл ее «миссис Шум и Гам», ибо сия достойная вдова имела обыкновение распространяться о себе и своих родственниках (родных мужа она ставила весьма низко) и без конца хвасталась чудесами отцовского поместья Молойвиль, в графстве Мэйо. Род ее шел от Молоев этого графства; и, хотя я прежде ничего не слышал ни о каких Молоях, я нимало не сомневаюсь, положившись на ее рассказы, что это древнейшая и знатнейшая фамилия в той части Ирландии. Помнится, тетушку свою приехал навестить молодой человек с пышными рыжими бакенами, носивший зеленый сюртук, узкие панталоны и немыслимую булавку в галстук; уже на третий день пребывания на водах он сделал предложение мисс С..., пригрозив в случае отказа вызвать на дуэль ее отца; этого молодого человека, разъезжавшего в двухколесном экипаже крикливой окраски, запряженном караковой и серой лошадьми, миссис Гам с великой гордостью нам представила как Каслрея Молоя из Молойвиля. Все мы сошлись в том, что он был несноснейшим из снобов сезона, и не без удовольствия узнали, что его разыскивает судебный исполнитель.

Вот, собственно, и все, что мне известно о семействе Молоев, но где бы вы ни встретились с вдовой Гам и о чем бы ни завели разговор, вы непременно о них услышите. Если за обедом вы предложите ей зеленого горошку, она скажет: «О сэр, после молойвильского горошка мне уже никакой другой не может прийти по вкусу, не правда ли, Джемайма, сокровище мое? Первый раз нам подавали его в июне, и батюшка по такому случаю жаловал старшему садовнику гинею (у нас было три садовника в Молойвиле), и посылал его с четвертой горошка и с нижайшим поклоном к нашему соседу, милейшему лорду Мароуфету. Что за очарование Мароуфетский парк! Не так ли, Джемайма?» Если мимо окна проедет экипаж, майорша Гам не преминет сказать вам, что в Молойвиле было три экипажа «коляска, кабвиолет и довмез». Подобным же образом она не поленится перечислить вам поименно всех ливрейных лакеев в фамильном поместье; при посещении Уорикского замка (эта неутомная женщина не пропускала ни одной увеселительной поездки из гостиницы) она давала нам понять, что тамошняя великолепная набережная ни в какое сравнение не идет с главной аллеей Молойвильского парка. Мне удалось так обстоятельно рассказать вам о миссис Гам и ее дочери потому, что в ту пору, говоря между нами, я весьма интересовался некоей молодой особой, папаша которой поселился в «Королевской» гостинице и проходил курс лечения у доктора Джефсона.

Джемайма, которую миссис Гам призывала в свидетели, как вы «сами понимаете, доводилась ей дочерью, и мать называла ее не иначе как: «Джемайма, доченька моя ненаглядная!», или «Джемайма, сокровище мое!», или же «Джемайма, ангел ты мой!». Жертвы, которые миссис Гам, по ее словам, приносила ради дочери, были неисчислимы. Одному богу известно, говорила майорша, сколько денег она затратила на ее учителей, от скольких болезней она выходила свою дочь, как беззаветна ее материнская любовь. В столовую они обыкновенно входили, обняв друг дружку за талию; за обедом, в ожидании следующего блюда, мать и дочь сидели, взявшись за руки; а если за стоном присутствовали хотя бы два-три молодых человека, майорша, покамест разливали чай, не упускала случая несколько раз поцеловать свою Джемайму.

Что касается мисс Гам, нельзя сказать, чтобы она была хорошенькая, но, говоря по совести, нельзя назвать ее и дурнушкой. Скорее, ни то ни се. Она завивала волосы колечками, носила ленту вокруг лба, пела всего-навсего четыре песенки, которые изрядно приедались после нескольких месяцев знакомства; у нее были чрезмерно оголены плечи; она имела обыкновение нацеплять на себя всевозможные дешевые украшения, кольца, броши, *ferronieres*¹, флакончики с нюхательным спиртом, и, как нам казалось, была всегда шикарно одета, хотя старая миссис Рысь намекала, что все платья Джемаймы и ее матушки по несколько раз перелицовывались и что от штопки чулок у нее слезятся глаза.

Глаза у мисс Гам были очень большие, однако слабые и красноватые, и она бросала выразительные взгляды на каждого неженатого мужчину. И хотя вдова усердно посещала балы, сопровождала в наемном кабриолете все охоты с борзыми, хотя она не пропускала ни одной службы в церкви, где Джемайма пела громче всех, за исключением разве псаломщика, и хотя любой джентльмен-англичанин, составивший счастье Джемаймы, удостоился бы приглашения в Молойвиль, где его поджидали три лакея, три садовника и три экипажа, ни один из джентльменов не отважился сделать ей предложение. Старая миссис Рысь говорила, что за последние восемь лет мать о дочерью побывали в Тонбридже, Харроугете, Брайтоне, Рамсгете и Челтнеме, но им повсюду одинаково не везло. Вдова, пожалуй, и впрямь чересчур высоко метила для своей ненаглядной доченьки; а поскольку она, как это свойственно многим ирландцам, с презрением смотрела па людей, зарабатывающих свой хлеб трудом или коммерцией, и поскольку резкие манеры и ирландское произношение этой женщины не могли нравиться степенным английским сквайрам, Джемайма – чистый, нежный цветок, – быть может, уже слегка поблекший и высохший, все еще оставалась у нее на руках.

¹ Диадемы (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.